

2. Потаев Г.А. *Преобразование и развитие городов – центров туризма* / Г.А. Потаев. – Минск: БНТУ, 2010. – 227 с.

3. *Стратегия устойчивого развития туризма в Беларуси.* / В. Ивлиев, Л. Баскакова, С. Сахарова. // *Архитектура и строительство.* - 2003. - №7.

4. Биржаков М.Б. *Введение в туризм: Учеб. 7-е изд., перераб. и доп.* СПб.: Невский Фонд; Герда, 2005. 448 с.

5. Виноградова М.В., Мазаева Н.П. и др. *Основы стратегического планирования развития инфраструктуры регионального туристского комплекса.* М.: Маркетинг, 2006. 98 с.

OBJECTS OF TOURISM INFRASTRUCTURE, HOSTED IN THE ZONES OF INFLUENCE OF HISTORIC FORTIFICATIONS

Karoza A.I.

Objects of tourism infrastructure, which are situated in areas of influence of historical fortification constructions.

This article is devoted to architectural and planning organization of objects of tourism infrastructure, which are created on the territory of historical fortification constructions and their entourage. The questions of composition of service objects of different function appointment and their location relative placement of fortification's objects are considered in details. Special attention is paid to conditions of safety of historical fortifications.

Поступила в редакцию 14.02.2013г.

УДК 72.036(476)(091) «1920/1930»

ФУНКЦИОНАЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В 1920 – 1930-х гг.

Морозов Е.В.

кандидат искусствоведения, доцент, кафедра искусств, ГИУСТ БГУ

Можно ли рассматривать функционализм межвоенного периода с позиций архитектурно-художественного стиля, какую терминологию следует использовать в современном искусствоведении и теории архитектуры, как распространялся функционализм на восточных и западных белорусских землях в 1920 - 1930-х гг. – эти вопросы освещаются в статье.

Введение. Сегодня возросший интерес к архитектуре периода между Первой и Второй мировыми войнами иллюстрируют многочисленные публикации историков в разных странах, в том числе и в Беларуси: работы Бондаренко А., Злобина Э., Кукуни О., Сергачева С., Власюка Н., Шыдловкого И. Однако при этом возникает вопрос, можно ли проводить исследования архитектурного наследия 1920 – 1930-х гг., отмеченного возникновением такого явления, как функционализм, с позиций архитектурно-художественного стиля? Дискуссии по этому поводу до сих пор продолжаются как в отечественных, так и зарубежных научных кругах. Основным доводом противников включения функционализма как стиля в общий ряд истории архитектуры является утверждение его исключительности, состоящее в отличии самого принципа

формирования архитектуры. Исследователи же, выступающие за искусствоведческое изучение функционализма, этой исключительности не усматривают, ставя его в ряд с другими архитектурными стилями, и приверженцев второй позиции становится больше.

Основная часть. Что же мешает рассматривать архитектурное наследие межвоенного периода с позиций стиля, как это делается при исследовании искусства предыдущих эпох, например Возрождения или Барокко? Причина видится в недостаточной временной дистанции – изучаемые художественные процессы в архитектуре тех лет, которые мы условно называем модернизмом и историзмом, актуальны и сегодня, с некоторыми допущениями мы можем современную архитектуру определить этими двумя терминами. Отсутствие значительной временной дистанции, с одной стороны, делает возможным более точное изучение архитектуры 1920 – 1930-х гг., так как все еще сохранилось большое количество материалов: проекты, фотографии и сами постройки. С другой стороны, избыток

данных затрудняет обобщение этого материала, поскольку присутствует легко различимое разнообразие стилистических признаков, фактов и явлений.

Также значительным препятствием является сохраняющаяся до сих пор традиция разграничения искусства государств с разными экономическими и политическими системами. Не отрицая взаимосвязи стилистических особенностей архитектуры с типом государственной системы и характером социальных и экономических отношений, нужно отметить, что в истории искусств архитектурный стиль традиционно представлялся надгосударственным явлением. Так, стиль барокко нашел отражение в искусстве всех европейских стран, несмотря на различные политические, экономические и социальные ситуации в них. Найти подобные примеры можно и в XX в. Так, в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве социалистического реализма 1930-х гг. явно заметны мотивы Арт Деко, а к советской архитектуре 1960 – 1980-х гг. можно смело применять те же определения, что и для архитектуры Запада: «брутализм», «пластицизм», «постмодернизм» и т.д.

Обращаясь к искусствоведческой традиции и в первую очередь к понятию «стиль», следует отметить, что его использование в современной науке далеко не однозначно. Стиль сегодня уже не рассматривается только как визуальное единство форм, что было принято в искусствоведении XIX – начала XX в. Изучение архитектурного наследия эклектики и модерна предложило иное понимание стиля как единства принципов формообразования. Кроме того, стиль – понятие многоуровневое. Можно говорить о стиле отдельного мастера или даже отдельного периода его творчества. Понятие «стиль» также применяют для обозначения этапов развития искусства, стилем считают устойчивые особенности архитектуры отдельного народа, государства или территории. Термин «стиль» широко используется при определении типичных для какой-либо

эпохи художественных направлений или течений, а в популярной литературе – для классификации различных формальных качеств постройки или интерьера («классический» стиль, «средиземноморский» и т.д.). Примечательно, что именно в такой трактовке термин «стиль» чаще всего используется сегодня.

Анализируя разные подходы в современном искусствоведении, становится возможным определить стиль как повторяющуюся в ряде построек архитектурную форму (совокупность форм) или композиционный принцип сочетания форм, причем общность этих форм определяется и на уровне формального подобия, и на уровне идей и ценностей, транслируемых через формы. В то же время архитектурный стиль – это и явление общеевропейской культуры и феномен, развившийся в границах государства [1]. С этих позиций следует подойти к исследованию такого явления как функционализм.

Начало XX в. в архитектуре отмечено коренными изменениями, затронувшими не только строительные конструкции, инженерное оборудование, но и стилистику. Произошел отказ от традиционных форм, декора, устоявшихся веками композиционных приемов и планировочных схем, были созданы и распространены новые художественные принципы. Эти изменения, по оценке современников, были «революционным разрывом со всем, что было до тех пор каноном» [2, с. 195].

Для искусствоведения до сих пор остаются актуальными вопросы, каким термином определить эти изменения и как их трактовать? Сегодня используют несколько названий того периода в архитектуре.

В европейской гуманитарной науке все чаще применяют понятие «модернизм», происходящее из широко используемой антитезы «модерн – постмодерн», на основании которой производится оценка и современной архитектуры, и архитектурного

наследия. В то же время данный термин имеет довольно широкое значение, с его помощью описываются явления в разных областях человеческой деятельности: философии, искусстве и культуре в целом. Следует отметить, что в истории философии понятие «модернизм» трактуется довольно широко как в содержательных аспектах, так и во временных границах.

В отечественной искусствоведческой практике не выработано единого отношения к термину «модернизм», в русскоязычной литературе по истории архитектуры он вообще используется довольно редко. Частично проблема определяется чисто лингвистической областью: в русском языке, как и в ряде славянских, английские слова «modern» и «contemporary» переводятся лишь одним словом «современный», хотя между ними есть определенное смысловое различие. Кроме того, термин «модерн» в отечественном искусствоведении закрепился за художественным стилем, обозначаемым в разных странах как Secesion, L'art Nouveau или Jugendstil и т. д.

В европейском искусствоведении и истории архитектуры термин «модернизм» (modernizm) сегодня используется в качестве обозначения явлений в искусстве после Первой мировой войны. В то же время и в англо-язычной литературе смысловое поле понятия «Modernizm» (модернизм) в архитектуре не всегда ограничивается 1920 – 1930 гг., распространяясь на архитектуру более ранних и более поздних периодов.

Кроме понятия «модернизм» в истории архитектуры для описания 1920 – 1930-х гг. применяются и другие термины. Ранее наиболее распространенным было название «Современное движение» (Modern Movement) или «Современная архитектура» (Modern Architecture). Оно происходит, по сути, из самой «модернистской» культуры, в основе которой лежит противопоставление себя практически всей предшествующей архитектурной и художественной традиции.

В таком отрицании традиции видится одна из характерных черт модернизма или современной архитектуры. Подчеркивание новизны и современности присутствует практически во всех программных документах и текстах лидеров модернизма, в названиях творческих организаций – «Neue Sachlichkeit» (Новая вещественность), «АСНОВА» (Ассоциация новых архитекторов) и т. д.

Для обозначения модернистской архитектуры также нередко используется термин «авангард», а в российской литературе его можно считать в некоторой степени общепринятым [3, с. 535 – 537]. Слово *avant-garde* (фр.) дословно – «передовой», имеет в русском языке определенный революционный оттенок. Революционный характер, безусловно, был присущ архитектуре и мировоззрению 1920 – 1930-х гг., но сегодня сложно назвать «передовым» стиль, который стал уже частью истории.

Термин «International Style» (интернациональный стиль) также часто употребляется по отношению к архитектурному наследию 1920 – 1930-х гг. Авторство этого термина принадлежит Г.-Р. Хичкоку и Ф. Джонсону. В 1931 г. в Нью-Йорке они организовали выставку современной архитектуры и выпустили каталог под одноименным названием, где представили стиль «объединяющим и всеобщим», существующим во всем мире [4, с. 175]. Термин «интернациональный стиль» отражает и сам характер архитектурной деятельности, связанный с международными архитектурными выставками, конгрессами (CIAM). В то же время границы этого термина довольно широки, его значение распространяется и на унифицированную архитектуру 1950 – 1970-х гг., а иногда используется и в современной архитектурной критике.

Для характеристики архитектуры 1920 – 1930-х гг. применяют термин «футуризм», который, однако, имеет в истории архитектуры более узкое значение, являясь названием определенного течения в

искусстве. Более узкое значение получили и названия таких творческих течений в российской архитектуре, как «конструктивизм» и «рационализм», в то же время эти названия употребляются иногда и в более широком смысле – как обозначение архитектурного стиля. Использование этих терминов в узком значении характерно для изучения наследия отдельных архитекторов или творческих групп.

В европейской искусствоведческой литературе, главным образом французской, итальянской, голландской и немецкой, чаще всего применяется термин «функционализм» [5, с. 42]. Использование его выглядит наиболее удачным, так как, во-первых, он отражает формальные качества архитектуры, определяя принцип, по которому преимущественно организовывалась архитектурная форма тех лет. Во-вторых, этот принцип не противоречит творческим доктринам лидеров отдельных архитектурных течений. Для «позднего конструктивизма» функциональный принцип стал идейным стержнем, а за произведениями западноевропейских школ этот термин уже давно закрепился в искусствоведении.

Остановившись на выборе определений архитектурно-художественных стилей, следует отметить, что термины в истории искусства всегда негласно являлись в определенной степени идеологическим инструментом. Поэтому, имея целью поиск наиболее адекватного обозначения архитектурных стилей построек 1920 – 1930-х гг. на белорусских землях, представляется целесообразным использовать для восточных регионов Беларуси названия «конструктивизм» и «рационализм», привнесенные российскими архитектурными группировками, а для характеристики архитектуры западных регионов, где распространялось влияние польской архитектурной школы, использовать название «модернизм». В то же время следует подчеркнуть, что все эти локальные явления имеют один общий

корень, обозначаемый термином «функционализм».

Развитие новых идей в искусстве и архитектуре, как правило, происходит в крупных городах, высших учебных заведениях, где сосредоточиваются творческие силы, идет процесс разработки форм нового стиля, дискуссии и активный культурный обмен. Подобная ситуация была характерна для формирования функционализма, центрами развития которого на определенных этапах являлись различные европейские города. В их числе стоит и белорусский город Витебск, который на короткий период (с 1918 по 1921 г.) стал, пожалуй, одним из самых значительных центров модернизма. Этот кратковременный период существования витебской художественной школы связан со всемирно известными именами художников М. Шагала, К.С. Малевича, архитектора Эль Лисицкого и их учеников.

В 1919 – 1920 гг. в Витебске было создано и активно действовало объединение УНОВИС (Утвердители нового искусства), программой которого предусматривалась разработка проектов новых форм архитектуры, мебели, орнамента, росписей зданий и праздничного оформления города. Руководителем архитектурного факультета, мастерских графики и печатного дела являлся Эль Лисицкий, направивший свои творческие силы на создание объемно-пространственных архитектурных композиций в стилистике супрематизма. Под его руководством студенты создавали «проуны» (проекты утверждения нового), осваивая принципы плоскостной композиции и ее перенесения в объем.

Силами объединения УНОВИС в течение двух лет Витебск был превращен в полигон испытания эстетики супрематизма. Лозунги и супрематические росписи покрывали стены домов, интерьеры общественных зданий, а также витебские трамваи. В 1919 – 1920 гг. в Витебске был создан музей современного искусства. К сожалению, реальных архитектурных построек, за

исключением нескольких временных трибун, так и не было создано [6]. Сохранились лишь некоторые проекты, в том числе проект трибуны В.И. Ленина и эскизы росписи трамваев (рис. 1).

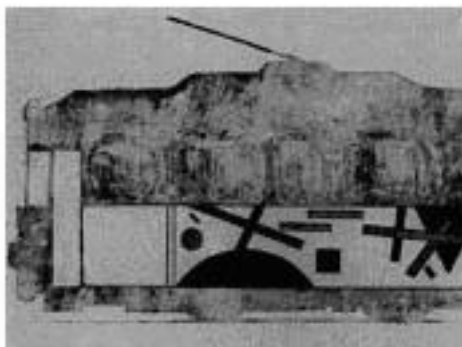

Рисунок 1 – Проект декоративного панно для витебского трамвая (1920 г.)

К 1923 г. почти все представители «нового искусства» покинули Витебск. Витебский художественно-практический институт был превращен в Витебский художественный техникум, где прочные позиции занял реалистический метод. Таким образом, не было преемственности Витебской школы, художественные и архитектурные принципы супрематизма, воплощавшиеся К.С. Малевичем, Эль Лисицким и их учениками, так и не оказали непосредственного влияния на белорусскую архитектуру. Временные трибуны и декорации были разобраны, росписи на стенах закрашены, основная масса учеников переехала в Петроград, где возник «супрематический конструктивизм». Уже в Петрограде К.С. Малевичем и его учениками из Витебска Н.М. Суетиным, И.Г. Чашником, Л.М. Хидекем, Л.А. Юдиным были созданы гипсовые «архитектоны» – отвлеченные пространственные модели архитектуры будущего. А в 1926 – 1927 гг. супрематизм нашел воплощение в архитектуре клуба при стадионе КСИ (Красный спортивный интернационал) в Петербурге. Это здание, спроектированное А.С. Никольским вместе с Л.М. Хидекем, не сохранилось.

Проникновение функционализма в конце 1920-х гг. в белорусскую архитектуру происходит непосредственно через строительство зданий по проектам известных архитекторов Москвы и Ленинграда. Здесь следует упомянуть архитектора А.К. Бурова, построившего клуб пицеев в Минске (1930 г.), петроградского архитектора А.А. Оля, выполнившего проект драматического театра в Бобруйске (1932 г.), молодых московских архитекторов Г.П. Гольца и М.П. Парусникова, спроектировавших здание Госбанка в Минске (1929 г.).

Выпускники вузов России и Польши, которые приезжали как молодые специалисты в города восточных и западных белорусских регионов, развивали в своем творчестве воспринятые за годы обучения доктрины функционализма. Московский ВХУТЕИИ окончили А.П. Воинов, И.И. Володько, Г.Л. Лавров, Ленинградский инженерно-строительный институт – Н.Н. Маклецова. К сожалению, нет сведений о молодых специалистах, работавших в западных регионах Беларуси, однако об их существовании и творческой деятельности можно судить по косвенным свидетельствам. Например, на страницах главного польского журнала «Architektura i Budownictwo» (Архитектура и строительство) опубликован функционалистский проект молодого пинского архитектора В. Кучевского, занявший третье место на одном из конкурсов [7].

Другим важным источником проникновения функционализма в белорусскую архитектуру была профессиональная пресса, в первую очередь, архитектурные журналы. Так, рупором конструктивизма в России был журнал «Современная архитектура», статьи и проекты конструктивистов и рационалистов публиковались на страницах журнала «Строительство Москвы», в «Архитектурной газете». Для западных регионов Беларуси важнейшим источником информации был варшавский журнал «Architektura i

budownictwo». В библиотеке магистрата города Бреста, хранящейся сегодня в Брестском областном архиве, имеется довольно полная подписка этого журнала, а также и некоторые другие издания, содержащие авангардные проекты тех лет, что свидетельствует об интересе архитекторов к новому строительству.

Профессиональные контакты между архитекторами разных стран всегда являлись важным источником обмена творческими идеями, распространения архитектурных стилей. Однако в 1920 – 1930-х гг. в условиях противостояния СССР и западных государств такие контакты были в значительной степени затруднены. Если польские архитекторы могли перемещаться по Европе, непосредственно знакомиться с новейшими постройками, то для архитекторов восточных территорий круг возможных поездок ограничивался границами СССР. Официальные профессиональные контакты архитекторов БССР и П Речи Посполитой могли осуществляться только через Союз архитекторов СССР и Союз Товариществ Польских Архитекторов. Однако поскольку архитекторы западных регионов Беларуси в польском союзе не были представлены [8], а число членов Союза архитекторов в БССР было небольшим, то можно с большой долей уверенности утверждать, что непосредственных контактов архитекторов восточных и западных регионов Беларуси в те годы не существовало.

Заключение. Архитектурный стиль функционализм, в основе которого лежит функциональный метод проектирования, был мощным наднациональным явлением в европейской культуре, во многом определившим стилистические черты белорусской архитектуры в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Распространение влияния стиля функционализм на архитектуру восточных и западных регионов Беларуси не совпадало по времени. Так, в восточных белорусских регионах наиболее яркие постройки под

влиянием этого стиля были созданы во время первой пятилетки (1929 – 1933 гг.), в западных – в период преодоления последствий международного экономического кризиса (1935 – 1939 гг.). Такое временное несовпадение наряду с целым рядом других причин определило стилистические различия и региональные особенности проявления функционализма, постройки которого в восточных регионах Беларуси следует обозначить при помощи термина «конструктивизм», а западных – «модернизм».

Литература:

1. Марозаў, Я.В. *Беларуская архітэктура 1920–1930-х гадоў: асноўныя мастацкія напрамкі* / Я.В. Марозаў // *Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* – 2006. – № 3. – С. 79–85.
2. Minkiewicz, W. *Od romantyzmu do konstruktywizmu* / W. Minkiewicz // *Polski Przemysł Budowlany.* – 1929. – № 7–9. – S. 195.
3. Хан-Магомедов, С.О. *Конструктивизм – Концепция формообразования* / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 2003. – 576 с.
4. Gössel, P. *Architecture in the Twentieth Century* / P. Gössel, G. Leuthäuser. – Köln- ... Tokio: Taschen, 2002. – 448 p.
5. Sołtysik, M.J. *Na styku dwóch epok. Architektura gdyńskich kamienic okresu międzywojennego* / M.J. Sołtysik. – Gdynia: Alter Ego, 2003. – 259 s.
6. Витебск: классика и авангард: История Витеб. художеств. училища в док. Гос. арх. Витеб. обл. (1918–1923) / Отд. по арх. и делопроизводству Витеб. обл.исполкома. – Витебск: Обл. муп., 2004. – 293 с.
7. *Architektura i Budownictwo.* – 1935. – № 2. – S. 59.
8. *Российский государственный архив литературы и искусства.* – Фонд. 674. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 51.

FUNCTIONALISM AS THE EUROPEAN ARCHITECTURE PHENOMENON AND ITS SPREADING ON BELARUSIAN LANDS WITHIN 1920th –1930th

Morozov J.

Is it possible to investigate the functionalism of interwar's periods from the art style point of view; what kind of terminology do we use in contemporary art and architecture theory; how has functionalism been spread on east and west Belarusian lands within 1920th –1930th - there are the questions unlighted in the article.

Поступила в редакцию 27.02.2013 г.